

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта — Вячеслав Бакулин

*Оформление обложки — Михаил Пантелеев
Карта — Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Антонов, Сергей.

A72 Метро 2033: **Харам Бурум:** [фантастический роман] / Сергей Антонов. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Вселенная метро 2033)

ISBN 978-5-17-118460-5

«Метро 2033» — Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Как жили герои до войны Анатолия Томского с Красной Линией? За что Николай Носов получил кличку Вездеход и какая роль была отведена ему в проекте по созданию генетически модифицированных людей?

Все ответы — в романе «Харам Бурум», приквеле бестселлера Сергея Антонова «Темные аллеи»!

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-118460-5

© Д.А. Глуховский, 2017
© С.В. Антонов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ?

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Когда выходит успешный фильм и спустя какое-то время появляется его сиквел или приквел — практически всегда разгорятся споры, насколько удачно это получилось. Не такие горячие, как «что лучше — книга или фильм?», но градус дискуссий бывает весьма высок. Как правило, мнение большинства склоняется к традиционному «не дотягивает до первой части». Фильмов, где продолжение было не хуже, а порой и лучше изначальной истории, можно по пальцам одной руки сосчитать. А если начну считать я, еще и свободные пальцы останутся — потому что мне известны только вторая и третья части «Назад в будущее» и близкий к шедевральному «Терминатор. Судный день». А из приквелов... ну разве что «Бэтмен. Начало». Наверное, есть еще неплохие и даже хорошие приквелы-сиквелы — ведь сколько людей, столько и мнений. А я такой уж человек, даже в саге «Звездные войны» признаю только те эпизоды, что были отсняты первыми и которые увидел еще в детстве.

С книгами дела обстоят примерно так же. В отечественной литературе успешными приквелами мне представляются лишь две вещи. Это «Истовик-камень» Семеновой, в котором автор поведала о событиях, предшествующих тем, что были описаны в «Вол-

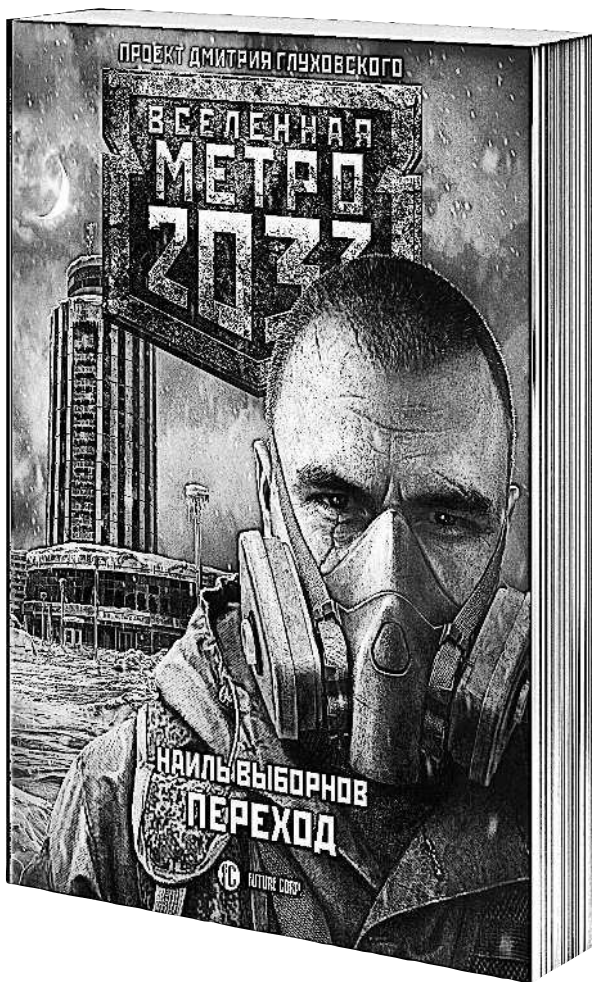
кодаве». И роман одного из моих любимых современных авторов Владимира Сорокина под названием «Путь Бро», вышедший спустя пару лет после скандального (а что у Сорокина не скандальное?) «Льда».

Конечно, приквелов в литературе в нынешнее время — тьма тьмущая. Мне довелось читать разные, включая такие книги, как «Гамлет. Нулевое действие» и «Чтение карты на ощупь». Последнее произведение — вы будете смеяться — приквел аж к самому «Вишневому саду» Чехова. Но они были написаны, разумеется, вовсе не теми авторами, кто создал оригиналы. Поэтому мое отношение к ним неоднозначное.

Упомянув лишь о двух успешных приквелах в российской литературе, я намеренно умолчал о третьем, который пополнил мой личный список. Потому что я уже прочитал превосходный «Харам Бурум» и от души наслаждался и замечательным стилем, и авторской иронией, которая то и дело переходит в сарказм (поклонники Сергея Антонова это знают). Испытал радость встречи со знакомыми героями и заглянул за кулисы их прошлого. И наконец, я уже узнал, при каких обстоятельствах неугомонного карлика наградили кличкой Вездеход.

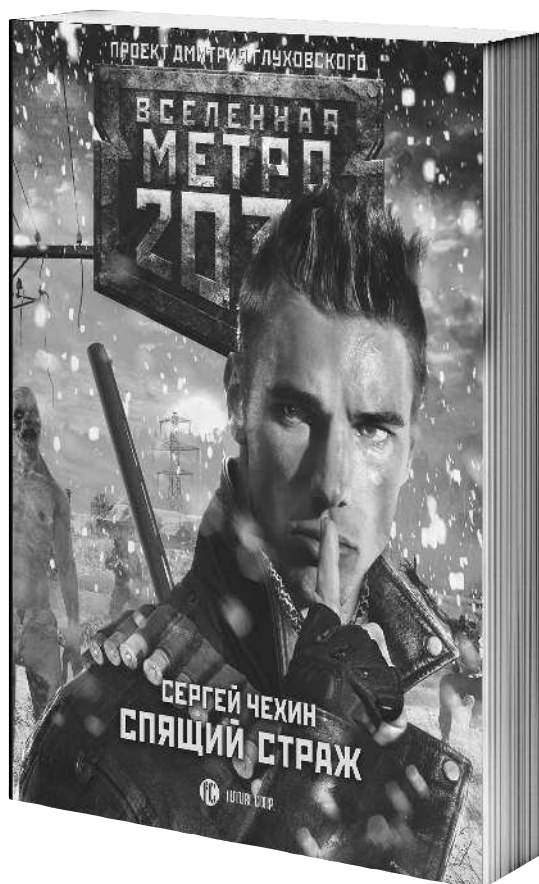
А вам, друзья, это лишь предстоит.

И я по-доброму завидую вам.

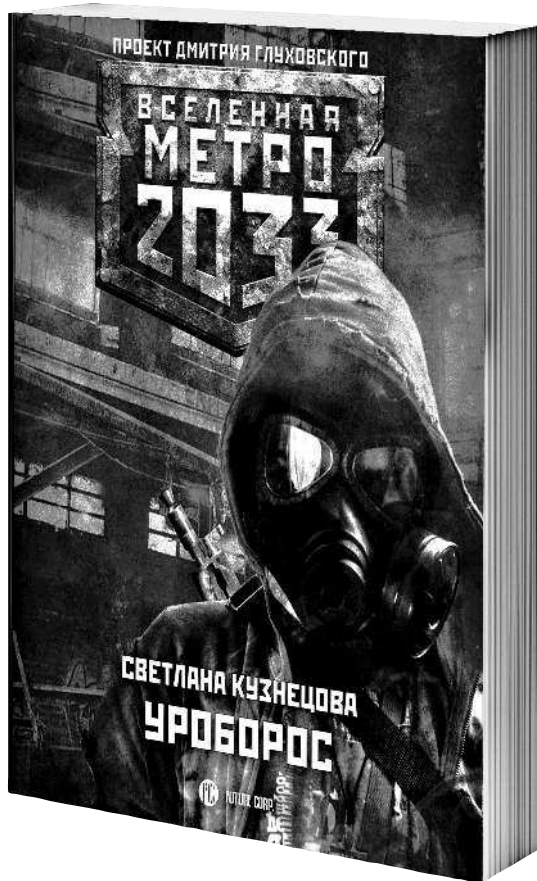

Пока в Казани речи сладкоголосых джинов сплетаются в узоры, в Набережных Челнах свистят пули и льется кровь. Война здесь так и не закончилась, и будет идти, пока есть, что делить. Неважно что: еду, патроны, чистый воздух и жизненное пространство в немногочисленных убежищах. И даже если ты отказался от того, чтобы считать себя человеком, тебя найдут и заставят участвовать в своих играх.

То, что предназначено, в любом случае случится. Ведь от судьбы не убежать, не спрятаться в подземном бункере. Отсидеться не удастся. Остается только выбрать сторону.

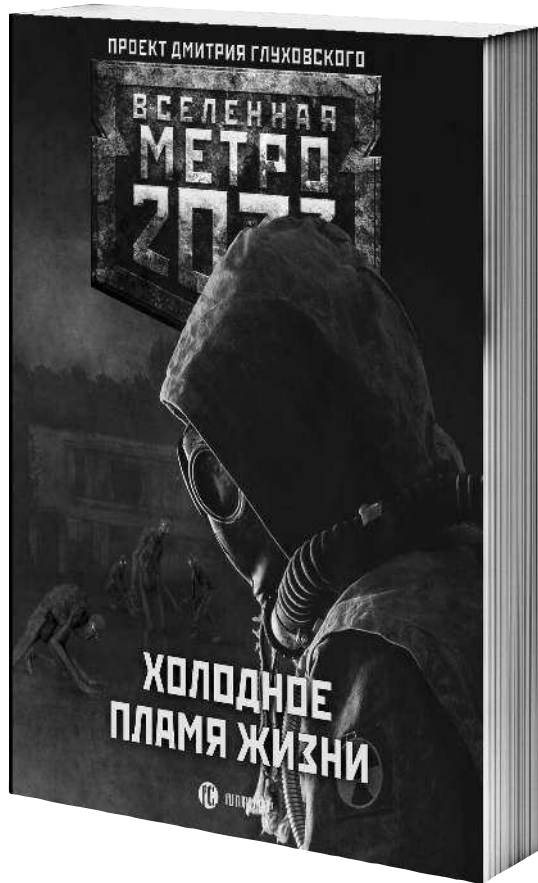

Мы вновь возвращаемся в постъядерную Самару, описанную Сергеем Палием в романе «Безымянка». Рубеж открыт, но вдали стал виден загадочный светящийся купол. Думала ли юная Арина, выросшая в подземке, что именно ей доведется отправиться туда в поисках ушедшего отца? Ведь это же — сущее самоубийство. И хотя сопровождает ее легендарный сталкер по прозвищу Еж, кажется, он вовсе не намерен оберегать ее от малейшей опасности. Похоже, этому циничному типу просто интересно посмотреть, как далеко способна зайти девушка в своей решимости.

Когда-то Влад жил на Фрунзенской и не желал никуда уходить. Но чтобы выжить, ему пришлось сбежать во тьму. Блуждания по метро едва не оборвались расстрелом на территории Ганзы, а затем судьба закинула его на заброшенную Нагатинскую.

На перегоне между Нагатинской и Тульской, всегда считавшемся безопасным, начали пропадать люди. Пришлый сталкер тягивает Влада в охоту за кровожадным мутантом. Только никто не знает, чем все обернется и кто на кого будет охотиться на самом деле...

Какая она, жизнь людей в 2033 году? В разных городах и странах люди ведут непрекращающуюся войну на выживание. Они ищут способ существовать в мире, который взбунтовался против них. Они ищут возможность остаться людьми в суровых страшных условиях, где слова «любовь», «культура», «сочувствие» почти потеряли смысл. Что чувствуют эти люди? Пламя их жизни угасает, становится холодным и блеклым. Все, что им остается, – бороться, верить и ждать.

Вся холодна, тень не видна,
Ты дождалась волчьего часа.
Мы близки, а наши клыки
Помнят тепло свежего мяса...

М.С. Покровский, «Ногу свело»

Уверен, что он не будет там одинок:
безумие рано или поздно составит ему хорошую компанию.

Профессор М.А. Корбут

Пролог

— Михаил Андреевич! Дорогой Михаил Андреевич!

Прежде чем посмотреть на ассистента Тельмана Ахунова, вломившегося в кабинет без стука, профессор Корбут вытащил из кармана халата платок и протер стекла очков. Здесь, на «Дзержинской», в самой охраняемой точке Красной Линии, его называли как угодно — товарищем, учителем, гением коммунистической генетики, вивисектором и доктором Смерть, но только не дорогим.

Должно было случиться что-то экстраординарное, чтобы этот хач применил к нему столь неожиданный эпитет.

Привычным жестом аристократа Михаил Андреевич откинул со лба седую прядь волос, водрузил очки на нос и, наконец, удостоил Тельмана пристальным взглядом.

Сутулый, невысокий кавказец лет шестидесяти сразу почувствовал недовольство начальника. Лоб с залысинами покрылся испариной, руки непроизвольно начали комкать газету «Вестник Компартии Метро», седые усы задергались в такт дрожащим губам.

— В чем дело, товарищ Ахунов? На каком основании вы врываетесь в мой кабинет?

— Дорогой... Ох, извините. Профессор. Товарищ Корбут... Раз... Разрешите...

Корбут захохотал. Мысленно. Внешне же остался строгим и спокойным, наслаждаясь замешательством Тельманчика. В очередной раз он убеждался в том, что не утратил умения производить на подчиненных впечатление, равное по мощности ушатку ледяной воды.

Пусть ненавидят, лишь бы боялись. Эта блистательная формула императора Калигулы давно стала для Михаила Андреевича жизненным кредо.

Он старался вселять страх в мелких сошек, даже когда сам был на подхвате у светил науки, которые считали Корбута пустым местом. Шестеркой, едва способной на доставку стакана воды из кулера. Они жестоко ошибались.

Ненависть ко всем без исключения людям и другие весьма специфические способности помогли Михаилу Андреевичу оказаться в седле после того, как все рухнуло и история человечества начала писаться с чистого листа.

Он сделал ставку на товарища Москвина. Не самого приятного человека, не самого дальновидного политика и не самого авторитетного лидера зарождающихся группировок метро.

Просто в привычках главы компартии метро, его отношении к подчиненным Михаил Андреевич узнал самого себя. Москвин, похоже, испытал те же чувства. И хотя в те бурные времена коммунистам было не до генетических экспериментов, генсек для начала назначил Корбута личным врачом, а впоследствии основал для него целую секретную лабораторию на Лубянке. Теперь бывший младший сотрудник имел возможность держать в страхе целый штат ученых. Иногда, чтобы не быть голословным, делал «чистки», после которых самые резвые и болтливые представители научной богемы исчезали в неизвестном направлении. Без суда и следствия. Так, как это было принято у красных.

— Ну-ну, Тельман. Хватит лепетать. На первый раз прощаю. — Корбут поднял руку, указывая Ахунову на металлический стул. — Садись, а то, чего доброго, упадешь.

Ахунов вытер тыльной стороной ладони пот со лба и рухнул на стул.

— Докладываю, профессор. Вернулись люди, отправленные на развалины «Щелково-Агрохим». Не все, но вернулись.

— Меня не интересует количество вернувшихся, — отрезал Корбут. — Все они присягали на верность коммунистической партии и клялись отдать жизнь за товарища Москвина. Химикат доставлен?

— Так точно, товарищ Корбут! — Ассистент вскочил и даже попытался щелкнуть каблуками. — Два контейнера!

— Ага. Вот с этого и следовало начинать. — Михаил Андреевич не удержался и потер ладони. — Мы и начнем, мы и начнем... Готовим лабораторию, Тельман. Сегодня ночью, когда никто не будет мешать...

— Простите, профессор, но... Люди.

— Что люди?

— Вам надо это видеть. Они больны. Выполняя задание, серьезно пострадали. А ведь мы просили укомплектовать группу лучшими из лучших. Вернулись всего семеро из двадцати. Такие потери, особенно в нынешней политической обстановке... Боюсь, руководство...

— Так-так. Руководство беру на себя! — Корбут встал и подошел к массивному сейфу в углу кабинета. — Где они?

— В карантинном блоке. Я боялся, что парни могли принести с поверхности какую-нибудь заразу, и отдал распоряжение сразу их изолировать.

— Ну и молодец!

Михаил Андреевич отпер сейф, погрузил руку в его недра, отыскал там пластиковую бутылку, пошевелил губами, читая надпись на бумажной этикетке, встряхнул бутылку и сунул в карман халата.

— Изоляция — это правильно. Мы их вылечим. А первый осмотр я проведу лично. В лаборатории. Кстати, Тельманчик, их кто-нибудь видел?

— Только я, ну и часовые на блокпосту.

— И это правильно. Случай-то рядовой. Паника и всякие там домыслы-разговорчики нам ни к чему. Встретимся у лаборатории. Да. И прихвати с собой этих часовых. Пусть их сменяют. Мое личное распоряжение. Ну не самим же таскать контейнеры и садиться за рычаги! Мы — ученые. Не царское это дело. Правильно я мыслю, товарищ Ахунов?

— Так точно, товарищ Корбут. Едем... К Обжоре?

— Михаил Андреевич. Просто Михаил Андреевич. Мы ведь коллеги. Я бы даже сказал — друзья. Тебе никто не говорил, что ты похож на Окуджаву?

— Гм... Никто.

— Так я говорю. Тебе бы гитару в руки. Ладно. Шутки в сторону. Как говорил папаша Кальтенбруннер: очень много дел и очень мало людей. М-да. Людей мало. Да, Тельман, к Обжоре. Не терплю мусора.

Корбут и Ахунов вышли на платформу и двинулись каждый в свою сторону. Если Тельман сразу затерялся среди людей в форме цвета хаки, то Михаил Андреевич выглядел как ледокол, уверенно разрубающий айсберги.

Часовые в фуражках с синими верхами и малиновыми околышами отдавали честь седому человеку в белом халате. Представители высшего офицерского состава, которых можно было узнать по дорогому, генеральскому сукну форменных кителей, останавливались, чтобы подобострастно кивнуть доктору Смерть.

Корбут прошел через усиленный блокпост, на котором за двойным рядом мешков с песком, у крупнокалиберного пулемета, установленного на массивной платформе-треноге, следили за обстановкой на станции пятеро рослых молодых людей.

Михаил Андреевич мельком взглянул на новую кумачовую растяжку, нависавшую над путями. Прочел очередное бессмертное высказывание генсека Москвина, хмыкнул и направился к стальной двери.

Она запиралась лишь на наружный засов и вела в личную комнату профессора. Большой нужды в замках здесь не было. Во-первых, хватало охраны. Во-вторых, Корбут не держал в своем жилище ничего, что относилось бы к его профессиональной деятельности.

Обстановка здесь была вполне спартанской: простой деревянный стол, узкая кровать, застеленная синим байковым одеялом, выдавший виды платяной шкаф.

Не вписывалось в общую картину только глубокое кресло с почти новой кожаной обивкой и подлокотниками из карельской

березы. Личный подарок генерального секретаря, доставленный бесстрашными сталкерами из развалин какого-то музея.

Поначалу кресло категорически не понравилось Михаилу Андреевичу. Потом он к нему привык, а затем и полюбил. Пусть чересчур помпезно, зато как удобно!

Профессор сел в кресло, чиркнул спичкой и поджег фитиль, плавающий в глиняной, наполненный машинным маслом плошке.

Экономика должна быть экономной. Товарищ Москвин приписывал это высказывание себе. Бессовестно плагиатил, но суть от этого не менялась.

Корбут нюхал вонючие продукты горения, показывая всем остальным, что даже светила медицины готовы терпеть лишения во имя торжества коммунистических идей. С учетом того, что большую часть времени он проводил в рабочем кабинете и светлой, отлично проветриваемой лаборатории, подавать пример аскетизма было проще простого.

Профессор придвинул к себе портрет сына Чеслава, дослужившегося до коменданта специального концлагеря для инакомыслящих отбросов общества.

— Мы на волоске, сынок. Одному тебе я могу в этом признаться. Мы на волоске.

Показная бравада Михаила Андреевича себя изживала. Часики тикали. Терпение генсека иссякало.

Корбут никому не говорил о том, что задание коммунистической партии по созданию генетически модифицированных суперсолдат на грани срыва. Не признавался, что опыты его зашли в тупик, а человеческий материал, щедро поставляемый спецслужбами, израсходован впустую.

Последней его надеждой был химикат, который производился до Катаклизма на заводе в Щелково. И вот требуемый ингредиент доставлен. Но какой ценой! Семь из двадцати. Москвин никогда не простит ему таких потерь. Потребуется результат. Если не получит его — свернет опыты, закроет лабораторию и лично намажет своему любимцу профессору лоб зеленкой. Повторит ошибку Гитлера, не уделившего должного внимания созданию атомной бомбы.